

Бракъ русской княжны Мстиславны Добродѣи съ греческимъ царевичемъ Алексѣемъ Комниномъ.

Поводъ къ настоящей статьѣ дала намъ статья г. Лопарева, напечатанная въ IX томѣ Византійскаго Временника (стр. 418—445) и трактующая ту же самую тему. Въ виду того, что извѣстія о бракѣ русской княжны Мстиславны Добродѣи съ греческимъ царевичемъ, Алексѣемъ Комниномъ, какъ въ византійскихъ, такъ и въ русскихъ лѣтописяхъ, кратки, авторъ названной статьи старается пролить нѣкоторый свѣтъ на выясненіе разныхъ вопросовъ, вытекающихъ изъ этихъ скудныхъ извѣстій. Хотя автору и удается кое-что выяснить, однако во многомъ онъ впадаетъ въ заблужденіе и вмѣстѣ съ тѣмъ запутываетъ вопросъ до такой степени, что не будетъ лишнимъ вновь взяться за его выясненіе. Надо сознаться, что г. Лопаревъ не самъ виноватъ въ томъ, что въ разъясненіи этого вопроса онъ сошелъ съ правильнаго пути; въ этомъ виновенъ главнымъ образомъ Дюканжъ, какъ видно будетъ изъ послѣдующаго.

Русскія лѣтописи даютъ только краткія замѣтки по поводу брака, состоявшагося въ 1122 году между русскою княжною и греческимъ царевичемъ, и именно: «ведена Мстиславна въ Греки за царь» (Ипатьевская лѣт.); «Мстиславъ Володымеричъ, отда дщерь свою за царевича Греческого, сына Іоанна Комнина» (Густынская лѣт.); «дщи Мстиславля ведена бысть во Греки за царевича» (Воскресенская лѣт.). Старые русскіе историки, объясняя выраженія лѣтописей (преимущественно Ипатьевской), вынесли заключеніе, что русская княжна вы-

шла замужъ за самого императора Византіи, Іоанна Комнина (Татищевъ, Истор. Россійск. Моск. 1773 г., кн. II, стр. 225). Они не обратили вниманія на то обстоятельство, что императоръ Іоаннъ уже давно былъ женатъ на венгерской принцессѣ и уже имѣлъ отъ нея много дѣтей. Карамзинъ, впрочемъ, говоря о бракахъ дочерей Мстислава, сына Мономаха (II томъ, гл. VII), отмѣчаетъ: «третія съ греческимъ царевичемъ: думаю съ сыномъ императора Іоанна, Алексіемъ, коего супруга именемъ и родомъ неизвѣстна по византійскимъ лѣтописямъ».

Кромѣ этихъ скудныхъ извѣстій, изъ русскихъ источниковъ имѣется еще сообщеніе у Татищева, что русская невѣста называлась Добродѣю (стр. 225), причемъ подъ годомъ 1119 рассказывается, что бракъ былъ отложенъ на два года «ради младости сочетающихся». Въ греческихъ же источникахъ не только нигдѣ, насколько намъ извѣстно, не упоминается объ этомъ бракѣ, но даже въ такихъ мѣстахъ, гдѣ есть упоминаніе о супругѣ Алексѣя, сына императора Іоанна, къ сожалѣнію она не называется по имени.

Только этими скудными извѣстіями и освѣщался вопросъ о бракѣ дочери Мстислава до труда г. Лопарева, который взявшись за дальнѣйшее изслѣдованіе его, сдѣлалъ слѣдующіе выводы (стр. 445): «Мономахъ и Мстиславъ, умѣвшіе заводить родственныя связи съ иностранными государствами, въ 1122 г. выдали свою внуку и дочь Добродѣю (Евпраксию?) замужъ за византійскаго царевича Алексѣя, старшаго сына императора Калояна Комнина и его соимператора»¹⁾.— При бракосочетаніи и коронованіи Добродѣя была уже переименована въ Зою и получила титулъ севасты и царицы. Отъ этого брака Зоя имѣла дочь, пережила своего супруга († 1142), занималась медициною и написала на греческомъ языкѣ цѣлый медицинскій трактатъ (*ἄλειμμα*); но передъ смертью (около 1172 г.) она обратилась къ колдунамъ и чародѣямъ, чѣмъ навлекла на себя осужденіе духовной власти. Канонистъ Феодоръ Вальсамонъ, лично ее видѣвшій на одрѣ послѣдней болѣзни, выразился о ней такъ, что она этимъ заслужила негодованіе со стороны церковныхъ каноновъ, но Господь Богъ облегчилъ это за другія ея добрыя дѣла.

Откуда же именно г. Лопаревъ беретъ всѣ эти новыя свѣдѣнія?

Люканжъ (Fam. Byz. p. 179) передаетъ, что Феодоръ Вальсамонъ упоминаетъ о женѣ Алексѣя, сына Іоанна, не называя ее по

1) Все это, замѣтимъ,—было извѣстно уже и ранѣе.

имени. На это извѣстіе Дюканжа и опирается почти цѣликомъ все изслѣдованіе г. Лопарева. Открывая теперь мѣсто у Вальсамона, г. Лопаревъ находитъ, что названіе супруги Алексія — именно Зоя, каковое имя въ старыхъ изданіяхъ напечатано было съ маленькой буквы, въ виду чего Дюканжъ и сдѣлалъ невольный промахъ, говоря, что имя супруги Алексія осталось неизвѣстнымъ. А затѣмъ ознакомившись съ извѣстіемъ Вальсамона¹⁾ онъ основываетъ главнымъ образомъ на немъ всѣ свои предположенія о прежней и послѣдующей жизни Добродѣи Мстиславны.

Вотъ мѣсто Вальсамона (по переводу г. Лопарева), которое служитъ ему точкой опоры: «Когда Зоя впала въ тяжкую болѣзнь, врачи отказались отъ ея излеченія въ виду противоположности многообразныхъ ея болѣзней. Нѣкоторые ворожеи заявили, что она страдаетъ маніей къ колдовству и знахарству». — Хотя сущность принимаемой здѣсь г. Лопаревымъ болѣзни намъ непонятна, тѣмъ не менѣе посмотримъ во-первыхъ, цѣлый рядъ какихъ предположеній дѣлаетъ на основаніи этой цитаты г. Лопаревъ. «Добродѣя, говоритъ онъ, уже въ Кіевѣ проявила нѣкоторую склонность и любовь къ природѣ, къ собиранію разныхъ травъ и корней и къ изученію ихъ цѣлебныхъ свойствъ». Изъ этого онъ выводитъ, что «выраженіе кіевская вѣдьма несомнѣнно имѣетъ своимъ источникомъ стародавнія времена, когда женщины (и въ томъ числѣ Мстиславна) вѣдали цѣлебный смыслъ травъ и растеній, были знахарками и могли иногда давать полезные совѣты и помощь въ разныхъ болѣзняхъ (стр. 425—426). На этомъ, конечно, обосновывается и то, что говорится дальше (стр. 440—41): «мы хотѣли бы думать, что Добродѣя-Зоя вывезла склонность къ чародѣйству изъ Руси, изъ Кіева и въ Византію оживила страсть къ этого рода медицинѣ. Замѣчательно при этомъ, что со времени Зои чародѣйство стало распространяться въ византійскомъ обществѣ сначала среди ея родственниковъ и близкихъ къ ней лицъ, — очевидный признакъ того, что севаста Зоя Мстиславна была инициаторомъ въ дѣлѣ пробужденія этой темной стороны византійскаго невѣжества».

Второй важный выводъ г. Лопарева состоитъ въ слѣдующемъ (стр. 438): «Медицинскій трактатъ или вѣрнѣе только извлеченіе изъ него, сохранившееся въ Флорентинской греческой рукописи (plut. VII

1) Σύνταγμα, Ῥάλλη καὶ Ποτλῆ, τόμ. IV, σ. 251—252.

cod. XIX) XIV вѣка, и настоящее заглавіе «ἄλειμμα τῆς κυρᾶς Ζωῆς, τῆς βασιλίσσης», — говоритъ онъ, — *можетъ быть произведеніемъ нашей Мстиславны*, такъ какъ, прибавляетъ авторъ, ни къ одной изъ всѣхъ царицъ Византіи, которыя носили имя Зои (Зои Карбонопсины X в., Зои, дочери Романа II, XI в., и т. д.), за исключеніемъ нашей Мстиславны, *не можетъ подходить авторство въ области медицинско-й*. Волхвованіе и чародѣйство, которыми занималась, по извѣстіямъ Византійцевъ (N. В. только Вальсамона), Евпраксія-Зоя, были въ тѣ времена средствами врачеванія. Зоя прибѣгла къ этому способу лѣченія въ послѣдніе дни своей жизни, когда, повидимому, уже не имѣлось никакихъ другихъ средствъ къ восстановленію здоровія. Но во цвѣтѣ лѣтъ и силъ она, какъ кажется, много занималась въ излюбленной ею области, быть можетъ *перечитала доступныя ей медицинскія сочиненія* (Галена, Иппократа, Семеона Сина и пр.) и въ результатѣ — сама написала *руководство по медицинѣ*, гдѣ между прочимъ совѣтуетъ въ осеннее и зимнее время года *жить въ очень теплыхъ жилищахъ* и покрываться *грѣющими покрывалами* (σχετάσμασι θερμαίνουσι), подъ которыми едва ли не надо разумѣть наши шубы, гдѣ придаетъ большое значеніе *бань*, *которая очень предохраняетъ здоровье и укрѣпляетъ тѣло*. Все это такіе совѣты, *не встрѣчающіеся въ медицинскихъ книгахъ самихъ грековъ*, которые могъ давать только авторъ, знакомый съ климатомъ Руси и усвоившій себѣ исконныя особенности ея жителей».

Любопытно, затѣмъ, и то, что г. Лопаревъ рассказываетъ нѣсколько ниже (стр. 439) по поводу болѣзни Зои. «Когда Зоя заболѣла своею послѣднею болѣзнию, говоритъ онъ, — какъ надо думать, она «обратилась прежде всего къ серьезной медицинѣ, медицинѣ какъ наукѣ; но когда послѣдняя оказалась безсильною излечить ея недугъ, «Зоя въ послѣдней крайности обратилась къ волхвованію и чародѣйству. «И здѣсь подобный скачекъ характеризуетъ преимущественно русскую «душу. Только русскому человѣку свойственно идти на авось, рядомъ «съ серьезнымъ дѣломъ — заниматься суевѣріемъ: не помогла наука, «попробовать фокусы? Вѣдь во всякомъ случаѣ они вреда не принесутъ, «а можетъ быть (кто знаетъ?) и помогутъ? . . . авось?».

Дальше г. Лопаревъ освѣдомляетъ насъ, что по наслѣдству чародѣйство переходитъ отъ Зои къ ея дочери, которая вышла замужъ за Алексія Аксуха. Свѣдѣніе это онъ беретъ изъ разсказа Никиты Акомината, который передаетъ (изд. Бонн. стр. 187—189), что мужъ

дочери Мстиславны былъ обвиненъ въ колдовствѣ противъ императора Мануила и былъ арестованъ. Этотъ рассказъ Акомината г. Лопаревъ объясняетъ слѣдующимъ образомъ (стр. 441). «Зоя сначала «увлекла Алексѣя Аксуха страстью къ чародѣйству. Сдѣлавшись близкимъ къ ней человѣкомъ и полюбивъ ее дочь, Алексѣй сдѣлалъ предложеніе послѣдней, женился, но и позже не оставлялъ пріобрѣтенной «страсти, которая, будучи раздута и представлена въ иномъ свѣтѣ «интригами, и послужила поводомъ къ его заточенію». Авторъ, однако, не останавливается здѣсь только на этомъ. Онъ идетъ дальше въ своихъ выводахъ (стр. 442) и именно: «Такимъ образомъ, говоритъ онъ, «русская княжна и византійская невѣста, пользуясь своимъ привилегированнымъ положеніемъ, собираетъ около себя лицъ, *интересующихся чародѣйствомъ*, и стоитъ въ центрѣ этого кружка. Не будетъ «удивительнымъ, если мы скажемъ, что она уже въ 1122 г. могла «пріѣхать въ Царьградъ *чародѣйкой*, принеся изъ Кіева всѣ задатки «къ этого рода волхованію».

Итакъ, во всемъ рассказѣ г. Лопарева Мстиславна фигурируетъ какъ чародѣйка и знахарка, и не только сама занимается чародѣйствомъ, но и зятя своего Алексѣя Аксуха научила чародѣйству, и устроила въ Византіи цѣлый кружокъ изъ людей, интересующихся чародѣйствомъ. Посмотримъ, однако, насколько все это громадное зданіе предположеній, построенное г. Лопаревымъ, основано на прочномъ фундаментѣ?

Несомнѣнно, исходной точкой для него, какъ сказано, послужилъ рассказъ у Вальсамона, въ которомъ говорится (по переводу г. Лопарева), что Зоя *страдала манією къ колдовству и знахарству*. Изъ этого выходитъ, конечно, что она была «чародѣйка» и «знахарка». Но говоритъ ли въ дѣйствительности Вальсамонъ что-нибудь подобное? Я долженъ отвѣчать — нѣтъ. Мѣсто у Вальсамона такое: «καὶ τῶν ἰατρῶν ἀπαγορευσάντων τὴν θεραπείαν αὐτῆς διὰ τὴν τῶν πολυειδῶν νοσημάτων ἐναντιότητα, ἔθνικοί τινες ἐπαγγειλάμενοι θεραπεύσαι αὐτήν, ὡς δῆθεν ἀπὸ μαγικῶν μαγανειῶν νοσηλευομένην, συνώθησαν»... х. т. λ., т. е. «И когда врачи отказались отъ ея излеченія въ виду противоположности многообразныхъ болѣзней, нѣкоторые язычники, обѣщавшіе излечить ее, *предполагая, что она страдаетъ отъ магическихъ чаръ*, принудили», и. т. д. Странно, что г. Лопаревъ до такой степени увлекся своею теорією, составленною a priori, что и настоящему мѣсту Вальсамона старается дать объясненіе, подходящее только

къ своимъ предположеніямъ. Между тѣмъ стоило бы автору только обратить вниманіе на переведенныя московскимъ Обществомъ любит. дух. просвѣщенія на русскій языкъ «Правила святыхъ отецъ съ толкованіями». Тамъ онъ могъ бы читать слѣдующее: «когда блаженной памяти госпожа Зоя, супруга благочестивѣйшаго онаго господина Алексія Комнина . . . впала въ тяжкую болѣзнь и врачи отказались отъ лѣченія ея, по причинѣ встрѣчи многоразличныхъ недуговъ, нѣкоторыя язычники, давъ обѣщаніе вылѣчить ее, *какъ бы страждущую отъ волшебныхъ чародѣйствъ*, достигли того, что многія и достойныя уваженія женщины, при ней бывшія, а также мужчины, несправедливо подвергнуты были истязаніямъ»¹⁾. Ясно, что такимъ дѣйствительно правильнымъ переводомъ настоящаго мѣста совершенно устраняется всякая возможность вывести то заключеніе, что женщина, о которой идетъ въ этомъ мѣстѣ рѣчь (Зоя-Евпраксія-Добродѣя), имѣетъ что-нибудь общее съ чародѣйствомъ, знахарствомъ и медициною, — общее въ томъ отношеніи, что она будто понимаетъ или вѣдаетъ о такихъ занятіяхъ. Какъ очевидно, она не представляется здѣсь какъ дѣйствующее лицо, т. е. какъ знахарь или врачъ; она служитъ по извѣстію Вальсамона только объектомъ для такого рода врачеванія. Одно только можно сказать, что у нея по этому сообщенію христіанская вѣра была не особенно глубока. Однако, при безнадежномъ положеніи больного и при отказѣ медицинской науки въ помощи, развѣ не найдутся и въ настоящее время люди, преимущественно женщины, которые готовы прибѣгнуть ко всякой нелѣпости, предложенной имъ первымъ попавшимся шарлатаномъ? Ни образованіе, ни религія въ подобныхъ случаяхъ не могутъ удерживать человѣка отъ подобныхъ поступковъ.

Что же касается усилій г. Лопарева къ тому, чтобы оправдать предположеніе, будто Добродѣя содѣйствовала перенесенію волшебнаго искусства, знахарства и чародѣйства изъ Кіева въ Византію, то ему слѣдовало бы прежде обратить вниманіе на то, къ какому времени относится церковный канонъ, въ комментаріи на который содержится указываемый теперь рассказъ у Вальсамона, тогда онъ убѣдился бы, что уже во время Василія Великаго существовали колдуны, чародѣи, ворожеи и знахари, такъ какъ этотъ канонъ гласитъ: «οἱ κατὰμαντεύμενοι καὶ ταῖς συνηθείαις τῶν ἔθνων ἀκολουθοῦντες, ἢ εἰσά-

1) Правила въ изданіи Общества любителей духовнаго просвѣщенія, Москва 1884 г., стр. 376.

γουντες εις τους εαυτων οικους επι ανευρεσει φαρμακειων και καθαρσει»... Такимъ образомъ г. Лопаревъ увидѣлъ бы, что знахарство и чародѣйство въ Византіи не есть продуктъ XII-го столѣтія, насажденный изъ Руси, но уже давно существовали. Впрочемъ, и во многихъ другихъ канонахъ идетъ рѣчь о томъ же суевѣріи, какъ уже давно существующемъ у Грековъ, и нѣтъ никакой надобности приводить доказательства этого общеизвѣстнаго факта. Слѣдуетъ только указать, что и во время, о которомъ идетъ рѣчь, независимо отъ воззрѣній Добродѣи-Зои, были люди, которые позволяли себѣ, при безвыходномъ положеніи больного, прибѣгать къ магическимъ средствамъ и знахарямъ, и, слѣдовательно, не было никакой необходимости, чтобы именно русская княжна явилась именно инициаторомъ колдованія и знахарства въ Византіи.

Такое заключеніе можно вывести изъ одного письма извѣстнаго современнаго византійскаго ученаго и профессора медицины¹⁾, а впоследствии и митрополита, Михаила Италика, который пишетъ своему другу Цикноглу²⁾, желая получить свѣдѣнія о ходѣ болѣзни у сестры его: «Я хочу знать, дорогой братъ, относительно твоей чудной сестры, — какъ теперь съ нею, и предпринялъ ли что-нибудь тотъ человѣкъ, который дѣлалъ тѣ странныя обѣщанія, и если предпринялъ, то какую онъ принесъ пользу и какое онъ придумалъ избавленіе отъ неукротимой болѣзни?... Я, дорогая моя душа, — вѣрь мнѣ, — много подобнаго вѣдаю, и даже такого, что едва ли найдется человѣкъ, могущій знать это, даже изъ тѣхъ, кто именно этимъ и занимается, ибо по этому предмету я собралъ и прочелъ много книгъ, халдейскихъ и египетскихъ, и между прочимъ все, что написалъ философъ Прокль по поводу іератическаго искусства (каковое и волшебнымъ называется), и все, что оба Юліана написали и Аполлоній Тианскій, — этотъ многознающій африканецъ. (Вѣдаю) даже все то, что болтаютъ уличныя бабы, и все что примѣняется простой толпой. До этого довела меня любознательность своей души. Но самъ я не совершилъ ничего не позволеннаго, — клянусь Богомъ, — и даже другого, намѣревающагося сдѣлать подобное, я отговорилъ бы. И хотя у меня былъ сборникъ заклинаній и волшебныхъ наукъ и многочисленныхъ полезныхъ заговоровъ, которые содержатъ тайныя фор-

1) Ср. письмо, обращаемое лейбмедику: τῷ ἄχτουαρίῳ. Sramer, Anecd. Gr. Oхon. III, стр. 190 — 191.

2) τῷ σικνόγλῳ тамъ-же стр. 187 — 188.

мулы для лѣченія вздутыхъ внутренностей и удаленія опухолей, — я ничего подобнаго не сдѣлалъ, да и не вѣрилъ никогда. Насчетъ, однако, вашей достойной уваженія сестры, знай, что я и предпринялъ бы что-нибудь изъ того, что болтаютъ фокусники-халдейцы, еслибы не зналъ, что они всѣ прокляты, равно какъ каждый, кто обращаетъ вниманіе на подобныя вещи, — и что предстоитъ имъ наказаніе въ аду. Благодаря этому, — правда, — я отказываюсь отъ оказанія помощи посредствомъ подобныхъ (волшебныхъ) средствъ.... Но если тотъ человѣкъ уже успѣлъ что-нибудь предпринять изъ того, что онъ обѣщалъ... то желалъ бы узнать, послѣдовала ли по крайней мѣрѣ какая-нибудь польза отъ этой любознательности?».

По поводу этого письма Италика можно многое сказать. Для нашей цѣли, однако, достаточно упомянуть о томъ, что согласно его показанію въ первой половинѣ XII-го столѣтія въ Византіи господствовало большое суевѣріе, существовала цѣлая литература волшебнаго искусства, существовали знахари и ворожеи, со всѣми ихъ средствами и формулами. Вмѣстѣ же съ тѣмъ, въ письмѣ есть указаніе и на то, откуда все это искусство перенесено въ Византію, и именно — на Халдею и Египетъ. Слѣдовательно, русскій человѣкъ, который въ то время отправлялся въ столицу Византійской имперіи, могъ въ этой области самъ большому научиться, а не другихъ учить.

Въ виду теперь того, что въ главномъ источникѣ г. Лопарева — комментаріи Вальсамона, при правильномъ его пониманіи, совершенно отсутствуетъ всякій намекъ о томъ, что Зоя имѣла какое-нибудь отношеніе къ знахарству и чародѣйству, становится очень труднымъ дальше поддерживать мнѣніе, будто медицинскій трактатъ, о которомъ говоритъ Лопаревъ, принадлежитъ нашей Зоѣ-Мстиславнѣ, и это тѣмъ болѣе, что въ заглавіи предполагаемаго трактата отмѣчено вообще: «τῆς χυρᾶς Ζωῆς, τῆς βασιλίσσης». Въ виду послѣдняго, разъ изъ другого источника намъ неизвѣсто, занималась ли наша Зоя медициною или нѣтъ, — въ настоящемъ случаѣ не имѣется никакого основанія давать предпочтеніе на счетъ авторства данной статьи нашей Зоѣ. Каждая изъ всѣхъ царицъ, носившихъ тоже самое имя, могла бы считаться авторомъ этой статьи съ тѣмъ же самымъ правомъ, съ которымъ и наша Зоя.

Что въ указываемой статьѣ, по свидѣтельству Лопарева, идетъ рѣчь о *теплыхъ покрывалахъ* и о *банѣ*, это именно не можетъ служить доказательствомъ русскаго происхожденія ея автора. Вѣдь и въ

другихъ странахъ нужны покрывала, преимущественно зимою, и существуетъ и баня.

Къ сожалѣнію г. Лопаревъ не сообщаетъ намъ теперь текстъ такъ называемаго «медицинскаго трактата» Зои. Непосредственное знакомство съ нимъ дало бы возможность, — и имѣть отчетливое представленіе объ авторѣ трактата и болѣе основательно убѣдиться въ справедливости предположеній г. Лопарева. При отсутствіи на глазахъ этого текста приходится вѣрить автору на слово, что онъ правъ, считая эту статью «трактатомъ медицинскимъ» или вѣрнѣе, — отрывкомъ медицинскаго трактата. Несмотря, однако, на его утверженіе, я долженъ сознаться, что не могу согласиться съ его мнѣніемъ. И это вотъ почему. Предполагаемый трактатъ содержится въ кодексѣ Лаврентіанской бібліотеки (plut. VII cod. XIX). Изъ свѣдѣній въ каталогѣ Бандини (т. I, стр. 265) объ этомъ кодексѣ видно, что въ немъ на листѣ 226° сначала помѣщены двѣ особія маленькія статьи, а затѣмъ слѣдуетъ статья Зои, о которой идетъ рѣчь. Слѣдовательно, трактуемая статья начинается здѣсь только съ конца 226° листа. Но на листѣ 227° здѣсь начинается уже другая статья подъ заглавіемъ: «*περί κινήσεως καὶ ἀναπαύσεως*». Такимъ образомъ интересующая насъ статья занимаетъ маленькую часть 226 листа, цѣлый листъ 227^r и часть листа 227°, т. е. всего не больше двухъ страницъ. И это называется Лопаревымъ «медицинскій трактатъ». Но этого мало. Заглавіе настоящей статьи — «*ἄλειμμα*», — «которое Бандини правильно передаетъ латинскимъ терминомъ — «*unguentum*» (мазь), — указываетъ на то, что медицинскій трактатъ г. Лопарева представляетъ собою просто рецептъ какой-то мази. Такое предположеніе поддерживается и началомъ статьи, которое по Бандини: «*Δέχεται... φοινίκια πατητά, δαμασκηνά λιπαρά*», т. е. — «беретъ жатые финики, тучныя сливы»... По всей вѣроятности, послѣ рецепта мази здѣсь слѣдуетъ указаніе объ употребленіи ея и можетъ быть діетическія наставленія. Вотъ и все, что можно ждать отъ содержанія этого предполагаемаго «трактата». Отсюда, однако, никоимъ образомъ нельзя выводить того положенія, что человѣкъ, который знаетъ составленіе одного рецепта, съ правилами относительно его употребленія, непримѣнно есть ученый врачъ, что онъ прочелъ медицинскія сочиненія (Галена, Иппократа, Симеона Сива и пр.), и что онъ чуть не имѣетъ диплома доктора медицины.

Изъ вышесказаннаго явствуетъ, во-первыхъ, что Зоя-Добро-

дѣя ничего общаго не имѣеть съ чародѣйствомъ и знахарствомъ, и во-вторыхъ, что нѣтъ никакого основанія приписывать рецентъ флорентинскаго кодекса той же Зоѣ-Добродѣѣ.

Перейдемъ теперь къ болѣе важному вопросу: имѣеть ли Добродѣя Мстиславна что-нибудь общее съ Зоею, упоминаемою у Вальсамона, или нѣтъ?

Г. Лопаревъ, прочитавъ разсказъ у Вальсамона и желая установить принятое Дюканжемъ отождествленіе упоминаемой здѣсь личности съ супругою Алексѣя, натолкнулся на важное препятствіе хронологическаго характера. Вальсамонъ прямо говоритъ, что послѣ смерти Зои, когда вся изложенная исторія стала извѣстной во время патріаршества Льва Стиппа (1134—1143 г.), послѣдовало церковное наказаніе для многихъ изъ родственниковъ и подчиненныхъ ей лицъ. Изъ этого слѣдуетъ, что смерть Зои Мстиславны послѣдовала во время патріаршества Льва Стиппа, или вѣрнѣе до патріаршества его (т. е. до 1134 г.). Но супруга Алексѣя, прибавляетъ г. Лопаревъ, пережила патріаршество Льва¹⁾, и во всякомъ случаѣ въ 1142 г. она была еще жива. Открывающееся отсюда противорѣчіе, г. Лопаревъ, однако, легко устраняетъ. Онъ заподозрѣваетъ достовѣрность извѣстія Вальсамона и принимаетъ, что наказаніе родственниковъ и подчиненныхъ Зоѣ лицъ послѣдовало въ болѣе позднее время, напр. при Михаилѣ Куркуасѣ (1143—1146), Космѣ Аттикѣ (1146—1147) или даже Николаѣ Музалонѣ (1147—1151). Вальсамонъ, быть можетъ, — прибавляетъ авторъ, — только ошибся въ имени патріарха... Такъ легко устраняется важное противорѣчіе, которое одно только могло заставить насъ скептически относиться къ мнѣнію Дюканжа, будто Зоя, упоминаемая у Вальсамона, одно и тоже лицо съ супругою Алексѣя, нашею Добродѣею Мстиславною!

Есть, однако, данныя, которыя не позволяютъ допустить такое предположеніе. Византійскіе авторы XII-го столѣтія, когда рѣчь идетъ о какой-либо личности изъ семейства Комниновъ, обыкновенно не только называютъ ее по имени, но и всегда сопровождаютъ это названіе разными атрибутами, т. е. опредѣленіемъ чина его, имени и чина отца, и т. п. Этотъ приѣмъ можетъ казаться немножко педантичнымъ; но для человѣка, который часто имѣеть дѣло съ эпохой Комниновъ, это — совсѣмъ не есть лишній педантизмъ; такъ какъ онъ

1) Ср. стр. 441 и 443.

знаеть, что число именъ у нихъ и для мужскаго и для женскаго пола очень ограничено. Имена—Алексій, Иоаннъ, Андроникъ, Исаакій, Мануиль, — Анна, Ирина, Θεοδoρa, Евдокія, Марія такъ часто повторяются, что если называть кого-либо просто Алексіемъ Комниномъ или какую-нибудь женщину—Ириною, то сейчасъ можетъ возникнуть недоумѣніе, кого именно слѣдуетъ подразумѣвать подъ этимъ именемъ? И Вальсамонъ въ этомъ отношеніи слѣдуетъ примѣру другихъ авторовъ и приводитъ въ данномъ мѣстѣ имя Алексія Комнина съ большою осмотрительностью, —достаточно опредѣляя его для того, чтобы не вышло недоразумѣнія. На это, однако, не обратилъ вниманія Дюканжъ. Но Дюканжу простительно дѣлать такой промахъ; хотя онъ и многое сдѣлалъ и освѣтилъ въ области византійской науки, тѣмъ не менѣе и для него оставалось еще много неяснаго и непонятнаго. Но что Дюканжу простительно, то не простительно для изслѣдователя нашихъ временъ. Г. Лопареву слѣдовало бы быть болѣе осторожнымъ. Оказывается, однако, что онъ также совсѣмъ не принимаетъ во вниманіе цитату изъ Вальсамона, и, что особенно странно, цитируя цѣликомъ по гречески мѣсто изъ Вальсамона (стр. 438), отбрасываетъ, какъ лишнее, именно то, что какъ разъ нужно для опредѣленія личности того Алексія Комнина, о которомъ здѣсь идетъ рѣчь: «τῆς γὰρ μακαρίτιδος σεβαστῆς κυρᾶς Ζωῆς, τῆς συμβίου τοῦ πανευσεβεστάτου ἐκείνου κυροῦ Ἀλεξίου τοῦ Κομνηνοῦ, τοῦ υἱοῦ τοῦ αἰοδίδιμου σεβαστοκράτορος». Зато, впрочемъ, въ другомъ мѣстѣ (стр. 437), представляя переводъ съ объясненіемъ именно этого мѣста, г. Лопаревъ пишетъ: «покойная севаста госпожа Зоя, супруга пансеваста онаго господина Алексія Комнина, сына славнаго севастократора (то есть Иоанна Комнина!)». Изъ того и другого, однако, явствуетъ, что г. Лопаревъ не понимаетъ значенія термина, — «севастократоръ». — Терминъ этотъ никогда не значить «императоръ», и поэтому, если бы Вальсамонъ хотѣлъ говорить здѣсь о супругѣ царя Алексія, сына имп. Иоанна, то онъ выразился бы такъ: «τῆς γὰρ μακαρίτιδος βασιλίσσης, κυρᾶς Ζωῆς, τῆς συμβίου τοῦ πορφυρογεννήτου¹⁾ καὶ βασιλέως κυροῦ Ἀλεξίου τοῦ Κομνηνοῦ, τοῦ υἱοῦ τοῦ αἰοδίδιμου αὐτοκράτορος Ῥωμαίων, Ἰωάννου τοῦ πορφυ-

1) Г. Лопаревъ (на стр. 424) выражаетъ свое недоумѣніе, почему Никита Хониатъ называетъ Алексѣя «порфиророднымъ». Однако, не только у Никиты, но и у другихъ писателей всѣ дѣти Иоанна, какъ мужскаго такъ и женскаго пола, хотя они родились (за исключеніемъ Мануила) и до восшествія на престолъ Иоанна, т. е. до 1118 года, носятъ названіе «порфиророднаго», такъ какъ Иоаннъ уже съ 1093 года получилъ названіе «βασιλεύς».

ρογενήτου». Слѣдовательно, при правильномъ пониманіи словъ Вальсамона, въ данномъ мѣстѣ съ несомнѣнностью нужно признать, что упоминаемый здѣсь Алексій, сынъ севастократора, ничего общаго не имѣетъ съ женихомъ русской невѣсты, Алексіемъ, сыномъ императора Іоанна. Онъ можетъ быть только сыномъ *севастократора* Исаакія¹⁾, брата императора Алексія I и Ирины Аланской (Дюканжъ, Famil. Byz. p. 174) и соотвѣтственно сему долженъ считаться двоюроднымъ братомъ императора Іоанна, и дядею царя Алексія и русской княжны Добродѣи, а Зоя, слѣдовательно—не Добродѣя, а тетка Добродѣи. Такимъ образомъ ясно, что почти все, что г. Лопаревъ открываетъ новаго въ вопросѣ о свадьбѣ Добродѣи, совсѣмъ не относится къ ней.

Но не только этимъ ограничиваются промахи г. Лопарева. Даже и тамъ, гдѣ византійскіе источники, благодаря работамъ новѣйшихъ изслѣдователей, достаточно уже выяснены и истина вполне установлена, г. Лопаревъ, желая примѣнить къ дѣлу свои новые выводы,—путаешь факты. Извѣстно, что Киннамъ упоминаетъ о женѣ царя Алексія, Добродѣѣ, когда говоритъ о пріѣздѣ въ столицу невѣсты младшаго сына имп. Іоанна, Мануила, т. е. свояченицы нѣмецкаго императора, Конрада III, Берты фонъ Зульцбахъ²⁾. Разсказъ этотъ Киннама — и самъ по себѣ ясенъ, и понятенъ, и о немъ достаточно сказано двумя извѣстными учеными—Карломъ Нейманомъ³⁾, трудъ котораго г. Лопаревъ не знаетъ, и В. Васильевскимъ⁴⁾, трудъ котораго онъ хотя и имѣлъ въ виду, но не вполне воспользовался имъ. Слѣдуетъ только передать разсказъ по изложенію Васильевского, чтобы убѣдиться въ чемъ здѣсь дѣло (стр. 82). «При встрѣчѣ нѣмецкой, усыновляемой Византіею, принцессы — говоритъ онъ — молодая императрица (царица), супруга Алексія, была одѣта соотвѣтственно съ своимъ саномъ въ темноглубое платье изъ виссоновой ткани; въ сочетаніи съ золотомъ и пурпуромъ, который она имѣла право носить какъ царица, ея внѣшность производила такое впечатлѣніе, какъ будто супруга Алексія была одѣта *въ черное*. И вотъ удивленная и наивная нѣмецкая принцесса спрашиваетъ: кто это столь пышно одѣтая монахиня? Во-

1) Ср. Пападимитріу, Объ авторѣ дидактическаго стихотворенія *Σπινέας*. Одесса, 1900, стр. 24 и 26—29.

2) S. Cinnami, ed. Bonn. p. 36.

3) C. Neumann, Griech. Geschichtsschr. und Geschichtsquellen im XII Jahrh. Leipzig, 1888.

4) Виз. Времен. I, 1894 (стр. 55—133 Василя Охридскаго, архіепископа Солунскаго, неизданное надгробное слово на смерть Ирины, первой супруги имп. Мануила Комнина).

прось произвелъ смущеніе, такъ какъ сейчасъ же былъ истолкованъ въ смыслѣ дурной примѣты присутствующими суевѣрными византійцами обоего пола. Дѣйствительно, Берта напороочила бѣду и при томъ не для одной только жены старшаго царевича». — Разсказъ этотъ для человѣка, который знаетъ работы Неймана и Васильевскаго, не оставляетъ ни малѣйшаго недоумѣнія, такъ какъ извѣстно, что нѣмецкая принцесса пріѣхала въ 1142 году, когда еще были въ живыхъ — и мужъ Добродѣи, и второй сынъ императора, Андроникъ, и самъ императоръ. По всей вѣроятности, вскорѣ послѣ этого пріѣзда послѣдовала одна за другой смерть Алексія и Андроника, на что и намекаетъ разсказъ Киннама. Г. Лопаревъ, однако, не имѣя яснаго представленія объ этомъ, думаетъ, что пріѣздъ Берты фонъ Зульцбахъ имѣлъ мѣсто уже въ то время, когда и Добродѣи и Ирина (супруга Андроника) были вдовами (стр. 435), и вслѣдствіе того не можетъ объяснить, въ какомъ отношеніи слова Берты могли считаться плохимъ предзнаменованіемъ, которое вскорѣ оправдалось. И такимъ образомъ, ему опять приходится прибѣгать къ догадкамъ разнаго рода для выясненія вопроса, собственно не нуждающагося въ какомъ либо выясненіи, — именно — значить ли это, что Зоя вскорѣ послѣ того ушла въ монастырь? Такое предположеніе не кажется ему правдоподобнымъ, такъ какъ въ то время удаленіе въ монастырь не могло считаться несчастіемъ. Въ силу этого онъ обращается за разъясненіемъ къ А. Пападопуло-Керемевсу, который, не зная фактовъ, сообщилъ ему, что конецъ жизни вдовы Алексія былъ *нехорошимъ*. Такимъ путемъ г. Лопаревъ переходитъ къ комбинаціи отождествленія Добродѣи съ Зоєю, упоминаемою Вальсамономъ, и къ вопросу о смерти послѣдней, о чемъ уже была выше рѣчь.

Оставляя теперъ въ сторонѣ нѣкоторые еще историческія неточности г. Лопарева, о которыхъ мимоходомъ будетъ рѣчь ниже, перейдемъ къ пересмотру самаго вопроса, обращая вниманіе на то, что именно даютъ извѣстные намъ источники по поводу бракосочетанія Алексія Комнина, сына императора Іоанна?

Прежде всего здѣсь слѣдуетъ обратить вниманіе на извѣстіе западнаго лѣтописца XII-го столѣтія, Ордерика Виталія¹⁾, у котораго

1) Orderici Vitalis Historia Ecclesiastica, Pars III, lib. XI, XV. Migne, Patrol. Lat., t. CLXXXVIII, col. 829—831. Изложеніе Ордерика изобилуетъ неточностями и промахами, которые, однако, удалены Э. Миллеромъ въ Recueil des Hist. d. Crois., Hist. Grecs, II, p. 139—140. Передавая текстъ Ордерика, мы обозначаемъ въ скобкахъ по-

находится довольно обширный рассказъ объ одномъ посольствѣ, имѣющемъ цѣлью найти изъ другого круга невѣсту для того же самаго

правки и объяснительные комментаріи Миллера: «Ravendinos quidam potens Graecus Antiochiam venit, et legationem imperatoris Alexii Rogerio principi [non principi, sed pro vero principe Boemundo II, impubere et absente, civitatem administranti], de quo supra dictum est, intimavit: filiam scilicet ipsius [Rogerii] Ioanni, filio Augusti, conjugem petivit [immo non Ioanni qui jam aetate maturior et alio matrimonio devinctus et paterfamilias erat, sed, nisi fallimur, Alexio Ioannis filio natu maximo, quem annos tunc undecim vel duodecim numerasse constat ex Annae lib. XII pag. 356]. Diuturnus enim rancor ejus [Alexii imp.] paulatim conquieverat, quia idem, sapientia pollens, manifeste viderat quod mortalis conditio Buamundum et Tancredum, aliosque rebelles absorbuerat, eandemque in proximo imminere sibi admodum metuebat».

«Quapropter decrevit progeniem suam semini conjungere bellicosae gentis, ut sic saltem Antiochenum principatum heres ejus adipisceretur affinitate generis, quod nullatenus armis obtenturum se confidebat bellicis. Praefatum ergo Pelasgum [id est, Graecum] Normannis [Antiocheno rectori, genere Normanno] destinavit, qui in praestolatione communis responsi [nempe in baronibus accipiendi] grave infortunium incurrit. Nam, dum praefatus heros [id est, potens vir Ravendinos] Antiochiae maneret, et ex generali consultu honorabile responsum expectaret, et amir Gazis Perses, ut supra retuli, fines Christianorum impetuose irrumperet, Ravendinos, cum Rogerio in hostem pergens, captus est [accidit ea clades anno 1119 mense decembri], et XV millibus bizanteis redemptus est. Ipsum nempe, quia Graecus erat, Turci non laeserunt, eique, tam pro notitia vicinae gentis, quam pro favore Augusti, pepercerunt, et accepta redemptione, ut dictum est, sospitem dimiserunt. Ille vero [Ravendinos] videns Rogerium cum tota virtute interiisse et Balduinum regem [nempe Balduinum II] regnum Ierusalem et principatum Antiochiae [non principis tamen, sed tutoris nomine] adeptum fuisse, ipsum quoque ex parte imperatoris [non jam Alexii, sed Ioannis qui recens ei successerat] adiit, et ab eo filiam suam [Melisendam videlicet, quae postea Fulconi ad regnum vocato nupsit] in conjugium Ioannis [seu verius Ioanne nati, ut diximus] requisivit. Balduinus rex, inde gavisus, legationem suscepit, petitionem annuit, procum in Ierusalem, ut filiam suam videret, direxit, et per eum secreta reginae soli nota mandavit. Ravendinos itaque Ierusalem venit, quem regina cum prole sua satis alacriter recepit, et mariti mandatis obtemperavit. Elegans puella, procedens in publicum, intuentibus multum placuit et optabiles ipsa rumores audiens, frustra exsultavit. Nihil enim stabile fit, nisi quod solus omnium factor disponit. Legatus Augusti cum satellitibus suis, sociisque peregrinis, in Cyprum insulam navigavit, et dux Cypri cum illo post XV dies Constantinopolim ire decrevit, et omnes usque ad Pentecosten ibi honorifice hospitari praecepit. Igitur longe a palatio ejus in aula satis honorabili hospitati sunt, et statutum tempus aegre praestolantes, copiosum a duce victum susceperunt».

«Interea dux communi factione a suis in domo sua occisus est, et una de singulis navibus, quae fixis in maritimo littore anchoris consistebant, tabula subtracta est. Mors etiam legatis et peregrinis a feralibus homicidis palam praefinita est; sed per quemdam sapientem, qui consiliis eorum intererat, callide praepedita et multoties induciata est. Dicebat enim: Obsecro vos, o fratres et amici, ut his hominibus pro salute vestra parcatis, et ab eorum, qui nihil aliquando nocuerunt vobis, sanguinis effusione manus vestras contineatis. Actus vestros freno moderamini discretionis, et statera rectitudinis, ne scelerum enormitate vestrorum Deum et homines in vos irritetis, et furorem maximorum principum utrinque incurratis. Ecce abominabilem offensam in Augustum jam perpetrastis, qui ejus consanguineum et ducem imperii Constantinopoleos nocturna caede necastis. Adhuc tamen contra ejus animadversionem ad Ierosolymitas refugere potestis, quibus nondum nocuistis. Verum, si magnanimum Francigenam offenderitis regem Ierosolymo-

жениха. Посольство это, конечно, имѣетъ мѣсто до начала переговоровъ по поводу брака съ кievскимъ дворомъ.

По разсказу Виталія Ордерика, императоръ Алексій Комнинъ, убѣдившись въ томъ, что войною трудно будетъ ему овладѣть княжествомъ Антиохіи, рѣшилъ добиться этого другимъ путемъ и именно пришелъ къ мысли женить своего внука, Алексія Комнина, сына Іоанна, на какой-нибудь принцессѣ Антиохійскаго дома (Норманнскаго происхожденія). Съ этою цѣлью онъ отправляетъ въ Антиохію къ намѣстнику Антиохійскаго князя, Рогерію, посольство, съ протоспааріемъ Равентиномъ во главѣ (это событіе должно отнести къ началу 1118-го года, когда еще жилъ имп. Алексій). Равентинъ пріѣхалъ въ Антиохію и былъ принятъ хорошо. По поводу цѣли его миссіи, нужно было, однако, спросить мнѣніе совѣта бароновъ и потомъ уже дать ему окончательный отвѣтъ. Въ виду этого ему пришлось продолжить свое пребываніе въ г. Антиохіи. Между тѣмъ Рогерій начинаетъ войну съ эмиромъ Халепскимъ Ильгази, въ которой принимаетъ участіе и посланникъ императора Равентинъ. Состоялась битва при Теребѣ (Thereb—красная долина), въ которой Рогерій погибаетъ, а Равентинъ попалъ въ плѣнъ (битва эта имѣла мѣсто въ декабрѣ мѣсяцѣ 1119 года, т. е. уже во время царствованія имп. Іоанна). Турки, впрочемъ, никакого вреда не причинили греческому протоспаарію, а получивъ хорошее вознагражденіе, отпустили его. По смерти Рогерія княжество Антиохіи передается покровительству Іерусалимскаго короля Балдуина II. Въ виду всего этого освободившійся отъ Турокъ Равентинъ обращается къ королю Іерусалимскому (значитъ по новому, письменному порученію новаго импер. Іоанна) съ такимъ же предложеніемъ о сватовствѣ дочери его Мелузины за сына императора, Алексія. Балдуинъ, услы-

rum, et ex utracque parte vobis incubuerit proelium, quid facietis? Quo fugietis? His aliisque sapiens heros dictis ferales homicidas compescuit, cruentasque manus a jugulis innocentum vix retinuit, et circa festum Sancti Ioannis [anni videlicet 1120] licentiam abeundi vix illis obtinuit».

«Denique vix in duas ingredi vetustas naves permissi sunt, et cum ingenti difficultate, post plurimos dies, in Illyricum applicuerunt et securiores inde per urbes poetarum carminibus celebres Bizantium petierunt, per Athenas scilicet, eloquentiae matrem, artiumque liberalium inventricem, et per Thebas, tyrannorum civilibus bellis inhiantium nutricem. Ravendinos vero duros rumores de suae legationis eventibus dominis suis, a quibus destinatus fuerat, retulit, et multas econtra in sua regione [quidne verius in utraque?] mutationes contigisse edidicit. In his enim percuntationibus [id est cunctationibus seu dilacionibus] Balduinus rex, ut superius affatim retuli, a Balad [seu Balak, amira Halebensi] captus est [anno 1122]. Imperatore autem Alexio post breve tempus defuncto, Ioannes imperator factus est. Unde in tot permutacionibus praefatae copulationis praeparatio penitus frustrata est».

шавъ предложеніе Равентина, съ удовольствіемъ выразилъ свое полное согласіе и отправилъ Равентина въ Іерусалимъ къ женѣ для того, чтобы видѣть невѣсту. Приѣхавъ въ Іерусалимъ, Равентинъ сердечно былъ принятъ королевою. Красивая невѣста очень понравилась и она принимала поздравленія и пожеланія отъ всѣхъ, и чувствовала необыкновенную радость. Посланецъ, довольный своимъ успѣхомъ, уѣхалъ оттуда вмѣстѣ со своею свитою и многими другими сопутниками. По пути онъ проѣхалъ черезъ о. Кипръ, гдѣ задержалъ его губернаторъ острова (дука), желая черезъ 15 дней отправиться вмѣстѣ съ нимъ въ Константинополь. Такимъ образомъ посольство остается до Троицы (6-го іюня) на островѣ Кипрѣ, гдѣ ихъ роскошно угощаль дукъ.

Неожиданный переворотъ на островѣ, однако, чуть не стоилъ жизни всѣмъ лицамъ, составлявшимъ посольство императора. На островѣ вспыхнулъ бунтъ, жертвою котораго падаетъ самъ дукъ и многіе другіе. Мятежники готовы были убить и членовъ посольства и всѣхъ иностранныхъ, находившихся вмѣстѣ съ ними, и были удержаны отъ того только рѣчью одного мудраго человѣка, который имъ указалъ на опасность, какая могла произойти для о. Кипра со стороны короля Іерусалимскаго и императора Константинопольскаго. Спасенные такимъ образомъ, они только около 24-го іюня (дня праздника Рождества Іоанна Предтечи) получили разрѣшеніе уѣхать. Они сѣли на два старыхъ корабля и переѣхали въ Грецію, а оттуда, черезъ Аѳины и Өивы, приѣхали въ Константинополь (значить, лѣтомъ 1120-го года), гдѣ и доложили императору о результатѣ ихъ командировки. — Бракъ не состоялся. Причина неудачи этой брачной связи остается невыясненной у Ордерика. Онъ говоритъ только, что въ виду происшедшихъ переменъ за это время, съ одной стороны въ Византіи (другой императоръ, хотя порученіе было дано Равентину вновь, какъ можно заключить изъ словъ Ордерика, — уже новымъ императоромъ, т. е. Іоанномъ), а съ другой стороны въ Іерусалимѣ (Балдуинъ становится плѣнникомъ эмира Халепскаго Балака, — событіе, относящееся къ 1122-му году, которое, впрочемъ, едва ли могло имѣть вліяніе для окончательнаго рѣшенія вопроса о бракѣ, относящагося къ лѣту 1120-го года).

Итакъ, изъ разсказа Виталія Ордерика выходитъ, что уже въ 1118-мъ году императоръ Алексій старается найти невѣсту для внука своего Алексія, сына царя Іоанна, изъ Антиохійскаго дома, но въ виду послѣдовавшаго несчастія съ Рогеріемъ этотъ планъ не увѣн-

чался успѣхомъ.—Послѣ того какъ первый планъ Алексія разстроился, Иоаннъ, который только что вступилъ на престолъ,—полагая всетаки, что бракъ съ принцессой изъ Сирійскихъ князей выгоденъ для будущихъ его плановъ, т. е. покоренія Сиріи, поручилъ протоспафарію Равентину стараться заключить брачную связь съ дочерью короля Іерусалимскаго. Но благодаря тому, что Равентинъ опоздалъ по независимой стѣ него причинѣ и возвратился въ Константинополь только лѣтомъ 1120-го года, имп. Иоаннъ, можетъ быть, перемѣнилъ свои планы. Можно думать, что за это время успѣло возникнуть какое-нибудь недоразумѣніе между Константинопольскимъ и Іерусалимскимъ дворами. Если теперь окажется правдоподобнымъ разсказъ Татищева (стр. 221), что будто уже въ 1119 г. послы византійскаго императора къ Владимиру Мономаху «просили, чтобы Владимиръ далъ внуку свою, дочь Мстиславлю за сына императорскаго Іоанна (чит. за сына императора Іоанна), что Владимиру не противно явилось», то слѣдуетъ полагать, что посольство это уѣхало изъ Константинополя не при царѣ Алексѣѣ, а при имп. Іоаннѣ, который съ 16-го Августа 1118-го года сидѣлъ на престолѣ; при немъ же оно и возвратилось въ Константинополь, сопровождаемое русскими знатными послами къ императору Іоанну «для учиненія обстоятельнаго договора» и между прочимъ для обсужденія вопроса о бракѣ. Русскіе послы исполнили свою главную задачу, но вопросъ «о бракѣ, младости ради сочетающихся, отложили на два года». По всей вѣроятности, импер. Іоаннъ, не зная еще результата другого посольства въ Антіохію и не желая рѣзко отказать Мономаху, выразившему уже свое согласіе, выдумалъ предлогъ, будто его сынъ еще молодъ, вслѣдствіе чего бракъ и былъ отложенъ на два года. Между тѣмъ, какъ раньше сказано, начались переговоры съ Іерусалимскимъ дворомъ, которые также не имѣли успѣха по неизвѣстной намъ причинѣ. Слѣдовательно, позволительно предполагать, что послѣ лѣта 1120-го года сношенія съ Кіевскимъ дворомъ были возобновлены и изъ Константинополя было отправлено новое посольство и переговоры длились достаточное время, и когда оба двора, византійскій и Кіевскій, уже пришли къ согласію, рѣшено было, чтобы невѣста отправилась въ Константинополь. Извѣстно, однако, что только весною 1122-го года русская невѣста приѣхала туда¹⁾. Вѣро-

1) Лопаревъ (стр. 428) опредѣляетъ и форму судна, на которомъ княжна путешествовала, — это былъ *корабль съ тремя рядами ярусныхъ скамей для гребцовъ, называемый триремою* (τριήρης). Но намъ кажется, что *τριήρης* уже давно вышла изъ упо-

ятно ушло значительное время на предварительныя подготовленія и приходилось ожидать подходящаго времени для подобнаго путешествія.

Во всемъ вышеизложенномъ придерживались того мнѣнія, что Добродѣя вышла замужъ за перваго сына имп. Іоанна, Алексія Комнина. Но на такомъ мнѣніи слѣдуетъ остановиться и посмотреть, — дѣйствительно ли это такъ? Какъ мы раньше говорили, греческіе источники объ этомъ вопросѣ ничего намъ не говорятъ; приходится, слѣдовательно, опираться только на источники русскіе. Изъ упомянутыхъ выше трехъ русскихъ лѣтописей — лѣтописи Густынская и Воскресенская сообщаютъ намъ только, что дочь Мстислава вышла замужъ за царевича. Но это совсѣмъ не значитъ, что такимъ царевичемъ былъ именно Алексій, и можетъ быть, что она вышла замужъ за второго царевича, Андроника. Третья же лѣтопись, Ипатьевская, передаетъ, что русская невѣста «ведена въ Грѣкы за царь». Выраженіе это дало поводъ къ недоразумѣнію, будто Мстиславна вышла замужъ за самого царя, Іоанна. Г. Лопаревъ, однако, думаетъ, что выраженіе «за царь» очень точное, ибо Алексій былъ тогда уже объявленъ императоромъ. Но на такое объясненіе слѣдуетъ отвѣтить, что Алексій *никогда не былъ объявленъ императоромъ*; онъ былъ объявленъ только царемъ (*βασιλεύς*); сверхъ же того, если полагать, что сообщеніе Ипатьевской лѣтописи составлено одновременно съ событіями, тогда авторъ этой замѣтки и не имѣлъ права называть жениха русской невѣсты царемъ, такъ какъ онъ тогда не былъ еще объявленъ и царемъ (но объ этомъ вопросѣ ниже). Слѣдовательно и Ипатьевская лѣтопись ничего опредѣленнаго намъ не даетъ къ разъясненію вопроса, — за кого именно изъ сыновей Іоанна вышла Мстиславна замужъ? Наше сомнѣніе по поводу этого вопроса подкрѣпляется и тѣмъ предположеніемъ, что если въ 1122-мъ году состоялась свадьба перворожденного сына Іоанна, то свадьбы другихъ его дѣтей слѣдуетъ отнести къ болѣе позднему времени. Между тѣмъ намъ извѣстно, что до послѣдняго похода императора Іоанна въ Сирію, т. е. до начала 1142-го года, второй сынъ Іоанна, Андроникъ, успѣлъ уже выдать замужъ свою перворожденную дочь. Въ виду того, однако, что въ Византіи бракосочетанія осуществлялись, преимущественно для дѣвицъ, и въ раннемъ возрастѣ, и въ виду отсутствія всякаго основанія¹⁾ для

гребленія; въ XII столѣтіи путешествія въ далекія страны совершались исключительно на парусныхъ судахъ.

1) Въ сочиненіи Miniati, *Le Glorie cadute dell' Antichissima ed Augustissima Famiglia Comnena etc.* (Venetia, MDCLXIII), есть извѣстіе о томъ, что Алексій первый

опроверженія брака съ перворожденнымъ сыномъ Іоанна, придется согласиться въ этомъ отношеніи съ мнѣніемъ Карамзина: «Добродѣя Мстиславна пріѣхавъ въ Константинополь вышла замужъ за перваго сына императора, Алексія Комнина».

Итакъ, весною 1122-го года Добродѣя пріѣхала въ Константинополь и, по всей вѣроятности, свадьба скоро состоялась. Нѣтъ сомнѣнія, что при встрѣчѣ русской княжны написаны были византийскими придворными поэтами разныя стихотворенія и привѣтственные рѣчи (время Комниновъ богато разными литераторами, учеными и стихотворцами). Но, къ сожалѣнію, отъ всего этого ничего не дошло до насъ, — по крайней мѣрѣ, пока ничего неизвѣстно до настоящаго времени. Во время свадьбы, слѣдуетъ полагать, въ продолженіи многихъ дней длились праздники, торжества и угощеніе народа; и опять навѣрное были составлены другія стихотворенія и эпиталаміи въ прозѣ. Дошедшія до насъ произведенія подобнаго рода, по случаю свадьбы какого-нибудь племянника или племянницы императора Іоанна, даютъ основаніе предполагать, что того же самага слѣдовало бы ожидать, и даже въ большемъ размѣрѣ, когда состоялась свадьба перворожденного сына императора, законнаго наслѣдника престола. Вѣдь дошелъ же до насъ эпиталамій Продрома по случаю свадьбы сыновей Кесаря Врѣннія и Анны Комниной (Patrol. Gr. CXXXIII col. 1397—1406), и затѣмъ дошли того же Продрома разныя свадебныя стихотворенія, — какъ-то, «εις γάμον βασιλικόν, παιὰν τοῖς δήμοις» (col. 1350 — 1352), «εις ἕτερον γάμον βασιλικόν, παιὰν τοῖς δήμοις» (col.

сынъ императора Іоанна, женился на Еленѣ Кантакузинѣ, дочери Алексія Кантакузина, протостратора. Такъ какъ работа Miniati намъ недоступна, то приводимъ интересующее намъ мѣсто изъ статьи J. Schmitt'a (Byz. Zeitschr. I, S 322—23): Alessio Comneno, Protostratore, primo genito di Giouanni Imperadore, riuscì Prencipe molti sauo, e Religioso, che perciò fu amato da tutti generalmente, et in particolare dall' Imperadore suo Padre, il quale l'haueua honorato delle calze rosse, ch'erano insegne della futura dignita Imperiale. La morte intempestiua li troncò il filo di così alte speranze sù'l bel fiore de' suoi Anni, compianto vniuersale di tutto l'Imperio. O che gran beneficio ne sarebbe risultato (s' Egli hauesse soprauissuto;) non solo all' Imperio; ma ancor' à tutta la Christianità, per le sue Religiose, e saue risoluzioni. Lassò della sua Moglie Elena Canthacuzena figliuola d'Alessio Protostratore, Prencipessa degna d' vn tal marito, due figliuoli, Andronico e Maria». Но Шмиттъ замѣчаетъ, что Miniati не указываетъ на источники этого сообщенія; слѣдовательно намъ приходится пользоваться имъ съ большою осторожностью. И дѣйствительно, въ данномъ случаѣ мы видимъ, что, по извѣстію Miniati, Алексѣй оставилъ послѣ себя двухъ дѣтей — Андроника и Марію; между тѣмъ изъ современныхъ историковъ извѣстно что отъ него осталась только одна дочь. Принимая во вниманіе такую явную неточность, мы имѣемъ право не вѣрить автору и въ томъ, что онъ говоритъ и по поводу жены Алексѣя.

Въ 1126-омъ году умираетъ теща Мстиславны, императрица Ирина, которая уже раньше (по всей вѣроятности вскорѣ послѣ 1122-го года, — года рожденія послѣдняго сына Мануила) поступила въ монахини. Подобнымъ же образомъ рано удалилась отъ двора и императрица Ирина старшая, мать импер. Иоанна, которая также поступила въ монастырь. Такимъ образомъ, русской княжнѣ, молодой византійской василиссѣ уже рано приходится занимать первое мѣсто при византійскомъ дворѣ. Спустя нѣсколько времени¹⁾ она разрѣшилась отъ бремени дочерью, имя которой намъ также неизвѣстно изъ византійскихъ источниковъ. Не знаю, на основаніи какихъ данныхъ французскій ученый Эд. Миллеръ называетъ ее Θεοδοροῦ²⁾. Это и есть единственная дочка Мстиславны. Повторяемое же г. Лопаревымъ предположеніе, будто вскорѣ послѣ этого Иоанну приходилось думать надъ вопросомъ о престолонаслѣдіи и снова царь Алексій впалъ въ немилость отца (стр. 434), — не оправдывается никакими фактами. Алексій до самой своей смерти считался законнымъ наслѣдникомъ престола, и хотя ни одна монета не дошла до насъ съ изображеніемъ его вмѣстѣ съ отцомъ, тѣмъ не менѣе J. Schmitt приводитъ миниатюру изъ рукописи XII-го столѣтія³⁾, въ которой вмѣстѣ съ императоромъ Иоанномъ изображенъ и сынъ его Алексій, съ надписью: «ἀλέξιος ἐν Χριστῷ τῷ θεῷ πιστὸς βασιλεὺς πορφυρογέννητος ὁ Κομνηνός». Кромѣ того и Θεοδὸρὸς Προδρομὸς въ разныхъ стихотвореніяхъ, доходящихъ до 1142-го года, всегда послѣ императора отдѣльно приводитъ и имя царя Алексія, а за нимъ упоминаетъ и о другихъ севастократорахъ. Такъ напр., по случаю свадьбы дочери сестры Алексія (имѣвшей мѣсто въ послѣдніе годы царствованія Иоанна) Продромъ обращаетъ къ нему слѣдующіе стихи (Patrol., t. 133, col. 1351):

«Κόσμει καὶ σὺ τὴν ἐροτὴν τῶν πασταδοπηγίων,
καὶ τὸν τῆς ἀδελφόπαιδος συντελετάρχῃ γάμον,
ἄναξ ἐξ αὐτοκράτορος, φῶς ἐξ ἡλίου μέγα,
τῶν μὲν λοιπῶν προφρουκτωρῶν, τῷ δὲ πατρὶ συλλάμπων».

1) Г. Лопаревъ, неизвѣстно на кого опираясь, говоритъ (стр. 433), что это событіе послѣдовало въ 1129 году, т. е. черезъ семь лѣтъ послѣ свадьбы. Но такому мнѣнію самъ же онъ даетъ такъ мало значенія, что немножко дальше (стр. 444), относя время смерти Мстиславны къ 1172 году, прибавляетъ, что въ это время дочери Мстиславны было уже около 33 лѣтъ. Значитъ она родилась — въ 1139 году!!

2) Recueil d. Hist. d. Crois., Hist. Grecs II, p. 348 AB.

3) Byz. Zeitschr. I, S. 322—23.

ΚρομΉ τογo, το же самое дается и въ слѣдующихъ стихотвореніяхъ (Patrol. col. 1387):

«φρούρησον, σῶσον, σκέπασον εἰς πλείστους κύκλους χρόνων
τὸν νικητὴν τὸν Κομνηνὸν δεσπότην Ἰωάννην
καὶ τὸν τοῦ στέφους κοινωνὸν Ἀλέξιον δεσπότην,
καὶ τοὺς σεβαστοκράτορας καὶ πορφυρογεννήτους».

(col. 1388):

«δι' οὗ καὶ πολυχρόνιος Ῥωμαίων βασιλεύεις,
καὶ τῷ παιδί καὶ βασιλεῖ συγγαίροις Ἀλεξίῳ,
καὶ τοῖς σεβαστοκράτορσι καὶ πορφυρογεννήτοις».

(col. 1389):

«φρουρήσαι σέ καὶ τὸν ἐκ σοῦ, τὸν κοινωνὸν τοῦ κράτους,
μετὰ τῶν παρηλίων σου τῶν σεβαστοκρατόρων».

(col. 1390):

«Σκέποις τὸν μέγαν νικητὴν δεσπότην Ἰωάννην,
σὺν τῷ παιδί τῷ κοινωνῷ τοῦ στέφους Ἀλεξίῳ,
καὶ τοῖς σεβαστοκράτορσι καὶ πορφυρογεννήτοις».

(col. 1391):

«καὶ μοι φυλάττου, βασιλεῦ, μέχρι παντός αἰῶνος,
τῷ βασιλεῖ καὶ τέκνῳ σου συγγαίρων Ἀλεξίῳ,
καὶ τοῖς σεβαστοκράτορσι καὶ πορφυρογεννήτοις,
τοῖς ἀριθμῷ τρισσεύουσιν, ἀξία μονουμένοις».

(col. 1392):

«ἀλλ' ὁ γυμνὸς ἰστάμενος ἐν Ἰορδάνῃ λόγος,
ἐνδύσαι κράτος ἄμαχον καὶ ζῶσαι δυναστείαν
σέ, περσολέτα, βασιλεῦ Ῥωμαίων, Ἰωάννη,
μετὰ τοῦ συμμετόχου σου τοῦ κράτους Ἀλεξίου,
καὶ τῆς τριάδος τῆς σεπτῆς τῶν σεβαστοκρατόρων».

Начиная съ 1137-го года и до самой своей смерти императоръ почти все время находится на походахъ, имѣя при себѣ и своихъ сыновей. Только на походѣ 1140-го года Мануиль, младшій сынъ, совершилъ свой первый смѣлый подвигъ при битвѣ противъ Турокъ (Cinnam. p. 21). И можетъ быть тогда въ народѣ и начались распространяться разные анекдоты и предсказанія о будущемъ его царствованіи. Но Иоанну никогда не приходила мысль устранить старшаго сына ради младшаго. Напротивъ, у Киннама (стр. 23) есть прямое указаніе на

то, что Иоаннъ предпринимаетъ послѣдній походъ въ Сирію съ тѣмъ намѣреніемъ, чтобы овладѣть Киликіею и Антиохіею и передать эти страны вмѣстѣ съ островомъ Кипромъ младшему сыну Мануилу во владѣніе. Значить, императору нельзя приписать никакого намѣренія устранить старшаго претендента престола; онъ хотѣлъ только какъ-нибудь иначе устроить младшаго своего сына и передать ему управление только одной провинціи. Неожиданно, однако, въ концѣ 1142-го года¹⁾, умираетъ въ Атталіи старшій сынъ императора, а потомъ, по всей вѣроятности по дорогѣ, и второй его сынъ, Андроникъ. Причина смерти обоихъ сыновей, по словамъ Никиты, острая лихорадка (р. 51: «τῶν δὲ ὀξέων ἦν καὶ μὴ χρονίων τὸ νόσημα τὸ δὲ εἶδος πυρετὸς ἐπαυγίζων καὶ ὡς ἀκροπόλει τῇ κεφαλῇ ἐπιθέμενός»). Слѣдовательно, напрасно старается г. Лопаревъ, ради примѣненія своей теоріи о престолонаслѣдіи, утверждать, будто и Алексій не отличался крѣпкимъ здоровьемъ и второй сынъ императора, севастократоръ Андроникъ, также былъ слабаго здоровья (стр. 431). О слабости здоровья обоихъ сыновей императора намъ ничего не извѣстно. Извѣстно только одно, что они умерли въ городѣ Атталіи отъ злокачественной лихорадки, которая и въ настоящее время существуетъ въ томъ климатѣ и считается очень опасной, главнымъ образомъ для иностранныхъ.

Не подлежитъ сомнѣнію, что и по случаю смерти Алексія составлены разными литераторами подробныя рѣчи (*μονωδίαи*) и другія стихотворенія. Но изъ всего этого ничего не дошло до насъ, что могло бы давать намъ нѣкоторыя свѣдѣнія и по поводу его супруги, Добродѣи, и его дочери. Какъ видно, Алексію не везло и послѣ смерти. Только въ одномъ письмѣ, обращаеомъ къ нѣкому секретарю императора Киріяку, Михаилъ Италикъ, между прочимъ, останавли-

1) Возможно и точно опредѣлить день смерти Алексія посредствомъ стихотворенія Манганскаго Продрома (*Recueil d. Hist. d. Crois., Hist. Gr. II, p. 760*), въ которомъ указано, что въ день праздника преподобномученика Стефана родился императоръ Мануилъ и въ тотъ же день принимаетъ престолъ, ибо со дня смерти Алексія можно считать его императоромъ.

ст. 114: «Ἐν ἐπισήμῳ γεννηθεὶς ἡμέρᾳ στεφανίτου
ἀνδρὸς ὁσιομάρτυρος καὶ νικητοῦ Στεφάνου,
καὶ στεφανφόρος γέγονας ὁμοῦ καὶ στεφανίτης. . .».

123: «καὶ κατ' αὐτὴν τὴν τελετὴν τοῦ στεφανώμου πάλιν
λαμβάνεις τὸ διάδημα τῆς αὐτοκρατορίας,
καὶ σὺν αὐτῇ τὸν στέφανον τὸν ἀπὸ τῶν τροπαίων.
ἐξ ὅτου γὰρ ὁ βασιλεὺς Ἀλέξιος ἀπέπτη,
ἔκτοτε σὺ κερράτηκας καὶ τῆς ἀρχῆς ἐπέβης».

Смерть Алексія послѣдовала значить 28 ноября.

вается и на прискорбномъ событіи внезапной смерти Алексія и посвящаетъ ему нѣсколько словъ¹⁾. Между тѣмъ, братъ его Андроникъ, хотя и соучастникъ его несчастія, тѣмъ не менѣе въ этомъ отноше- нии былъ болѣе счастливъ. О немъ послѣ смерти больше говорятъ, нежели о братѣ. Послѣ него остается двое сыновей и трое дочерей, о которыхъ часто идетъ рѣчь въ письменныхъ памятникахъ. Кромѣ того, супруга его Ирина и послѣ смерти мужа играетъ видную роль въ Византіи. Наконецъ, до насъ дошло и надгробное слово, написанное по всей вѣроятности Михаиломъ Италикомъ по поводу смерти Ан- дроника²⁾ и стихи Θεодора Προδρομα по тому же случаю³⁾.

Императоръ Іоаннъ, лишившись такимъ образомъ своихъ двухъ перворожденныхъ сыновей, пришелъ къ мысли, чтобы передать пре- столь младшему изъ оставшихся въ жизни, Мануилу, предпочитая его другому, Исаакію, и находя его болѣе достойнымъ престола. Приѣхав- шая же въ Константинополь до смерти Алексія нѣмецкая принцесса Берта фонъ Зульпбахъ принесла несчастіе русской княжнѣ. Визан- тійцы правы были, усмотрѣвъ плохое предзнаменованіе въ случай- ной фразѣ нѣмецкой принцессы, сказанной ею по недоразумѣнію. Берта поступила на мѣсто, предназначенное для русской княжны, и черезъ нѣсколько лѣтъ становится императрицею восточной Римской имперіи.

1) Πρὸς τὸν Κυριακὸν γραμματικόν. Græger Anecd. Gr. Ox. III, p. 179—80: «...ὁ γάρ τοι τοῦ βασιλέως κυρίου Ἀλεξίου ἀνέλπιστος θάνατος γεγωνῶς, καὶ ὁ ταυτησί τῆς συμφορᾶς χειμῶν, ἐνάρχησέ σου καὶ τὸν νοῦν καὶ τὴν δεξιᾶν καὶ τοὺς λόγους ὥσπερ ἀπεκρυστάλλω- σεν» κτλ.

2) Ср. codex Baroc. 131 fol. 233v: «μονωδία εἰς τὸν σεβαστοκράτορα κυρὸν Ἀνδρόνι- χον τὸν Κομνηνόν, τὸν υἱὸν τοῦ βασιλέως κυροῦ Ἰωάννου τοῦ πορφυρογεννήτου, θανόντος (чит. θανόντα), ὅτε ἐκόμιζεν ἐξ Ἀτταλείας νεκρὸν τὸν ἀδελφὸν αὐτοῦ καὶ βασιλέα, κυρὸν Ἀλέξιον τὸν πορφυρογέννητον. Изъ этой монодіи слѣдующія мѣста относятся къ на- шему Алексію: «κομίζεται νεκρὸς ὁ σεβαστοκράτωρ νεκρὸν κομίζων τὸν βασιλέα καὶ ἀδελ- φόν, ὥσπερ οὐκ ἀνεχόμενος ἄγγελος γενέσθαι τοιούτων κακῶν, ἀλλ' ἐτέροις ἀγγέλλειν ἀφείς καὶ τὰς τύχας τὰς ἑαυτοῦ... βραχὺν ἐπιζήσας χρόνον καὶ τοιοῦτον ὅσον ἐπικατασπεῖσαι τῷ ἀδελφῷ δάκρυον... τίνα πενήθσω πρῶτον τίνα θρηνήσω δεύτερον, τὸν νεκρὸν κομιζόμενον ἢ τὸν ἄπνουν κομιστήρα;... ἀλλὰ ποῦ θήσω τὸν αὐτοκράτορα πῶς δὲ τοῦτον ὀδύρωμαι; οἶαν μὲν ἐδέξατο τὴν πρώτην πληγὴν, οἶαν δὲ τὴν δευτέραν ὑπήνεγκε· τοῦ μὲν γὰρ εἶδε τῶν υἱέων, τοῦ δὲ ἤκουσε τὸν θάνατον καὶ ἀμφοτέρωθεν βάλλεται καὶ δέχεται βέλη δύο πικρό- τατα, τὸ μὲν δι' ὄψεως, τὸ δὲ δι' ἀκοῆς ἐμπεπηγότα αὐτοῦ τῇ ψυχῇ... ἐδυσχεραίνομεν ὡς εἰκὸς τῆς ἐπὶ τῷ ἀδελφῷ τύχης, ἐπενθήσαμεν, ἠλγήσαμεν τὴν ψυχὴν, ἀλλ' ἐπὶ σοὶ πάλιν ψυ- χαγωγίας εἰχόμεθα, πειρεμυθούμεθά σοι τῷ περιόντι τὴν συμφορὰν, ὡς αὐτὸς εἰσελθοῖς εἰς τὴν κληρονομίαν μετὰ τὸν ἀδελφόν, ὡς μετὰ πατρός συμβασιλεύσεις ἡμῖν...».

3) Τοῦ σοφωτάτου Θεοδώρου τοῦ Προδρομοῦ στίχοι ἴαμβοι μονωδικοὶ ἐκ προσώπου τῆς σεβαστοκρατορίσεως ἐπὶ τῷ ταύτης ὁμόζυγι. Boisson. Anecd. Nov. p. 371.—Τοῦ Προδρομοῦ ὡς ἀπὸ τῆς σεβαστοκρατορίσεως πρὸς τὸν οἰκεῖον ἄνδρα Cod. Marc. 436 fol. 2v.

Что случилось послѣ этого съ нашей Добродѣею, намъ неизвѣстно. Можетъ быть, слѣдуя примѣру своей тещи и бабушки по мужу, она скоро поступила въ монастырь. Что же касается единственной очерди ея, то дядя императоръ заботится о ней и скоро находитъ для нея жениха въ лицѣ сына протостратора Иоанна Аксуха. Онъ выдаетъ ее замужъ за Алексія Аксуха, впоследствии также протостратора. Но Алексій въ 1165-омъ году былъ обвиненъ въ измѣнѣ противъ императора (не въ колдовствѣ, какъ думаетъ г. Лопаревъ) и былъ арестованъ, какъ подробно рассказываетъ намъ Киннамъ (стр. 265 — 269), и сознавшись въ своемъ преступленіи, былъ заточенъ въ монастырь. Супруга же его вначалѣ старается убѣдить Мануила въ невинности Алексія. Когда же она никакого успѣха не имѣла, то сошла съ ума и вскорѣ затѣмъ умерла, оставивъ послѣ себя двухъ сыновей (Nicet. p. 189), которыхъ дальнѣйшая участь намъ неизвѣстна.

С. Пападимитріу.

Одесса, Декабрь 1903 г.